

Как я, Эуфемия Гримвуд, оказалась приговорена к сожжению на костре?

Вбили в землю толстые колья, образовав крест, закрепили меня там железными цепями, высыпали к моим ногам много хвороста и подожгли.

Процесс был одним, но в реальности он был мучительным.

Сначала было немного дыма и жара.

Но вскоре все переросло в нечто нешуточное, и я понял, что моя собственная плоть горит снизу. Загорелась одежда, и вскоре я превратился буквально в человеческий факел.

И все же каким-то образом я восстановил воспоминания о своей прошлой жизни и вот так вспоминал, слушая звук горящей плоти.

Ну, в общем.

Я уже упоминал, как познакомились волшебная девушка Мисетта, наделенная талантом, и мой жених Экхарт Мюллер?

Я не знаю подробностей, но, судя по всему, Мизетту, дочь фермера, служившую в деревне целительницей благодаря своему врожденному таланту, заметил кто-то из семьи Мюллеров.

Быть целительницей, вероятно, означало, что она помогала деревенскому врачу или что-то в этом роде, а затем насильно проявила целительную магию с помощью своего природного таланта.

Воистину "аномальный талант".

Целительская магия чрезвычайно сложна среди всех видов магии. Справиться с ней, обладая лишь талантом и не имея ничьих подсказок, - не маленький подвиг.

Итак, Мисетта, приглашенная в дом Мюллеров, встретила там Экхарта, и Экхарт влюбился в нее.

Экхарт предпочел Мизетту мне, Эуфемии "Милой и безнадежной" Гримвуд... Этот факт не слишком меня шокировал.

Если что и шокировало, так это то, что семья Мюллеров предпочла Мизетту семье Гримвуд. Другими словами, семья Мюллеров решила каким-то образом расторгнуть помолвку между мной и Экхартом. Должно быть, Мизетта была настолько очаровательна, что предала соседний

домен, с которым у нас должны были быть хорошие отношения, а может, было что-то еще...

Аргументы семьи Мюллер выглядят следующим образом: "Эуфемия, вторая дочь семьи Гримвуд, на самом деле не принадлежит к роду Гримвуд. Это не только предательство семьи Мюллеров, но и серьезное преступление как дворянина королевства Луисс. Поэтому семья графа Мюллера официально обвиняет семью Гримвуд".

Ответ семьи Гримвуд звучит следующим образом:

— Как семья, это обвинение прозвучало неожиданно. Если в Эуфемии нет крови Гримвудов, значит, она не член нашей семьи. Помолвка с лордом Экхартом аннулируется, и мы передадим ее.

Другими словами, семью Гримвудов загнали в угол.

Вместо того чтобы противостоять семье Мюллеров, они решили передать меня, сделать вид, будто этого инцидента никогда не было, и считать это долгом перед семьей Мюллеров на потом. Такое вот политическое решение они приняли... что-то в этом роде.

Я был удивлен таким поворотом событий.

Несмотря на отсутствие таланта, я всегда жил искренне, оставаясь верным своему пути. Хотя я не питал любви к Экхарту, во мне все еще жило чувство привязанности к нему.

Однако... так просто, как решение арифметической задачи, было предрешено, что я встречу свой конец на костре.

У меня не было сил сопротивляться.

Как только было принято решение передать меня, я был легко покорен и провел три мучительных дня в подземной тюрьме. Затем меня привязали к деревянному кресту, и, как только судья королевства прибыл для вынесения приговора, разожгли пламя.

И тут на меня нахлынули воспоминания о прошлой жизни.

Воспоминания о том, как я был тридцатилетним мужчиной средних лет.

Мои мысли по этому поводу были следующими:

Во-первых, решение моего отца, хотя и лишённое сентиментальности, было рациональным.

Во-вторых, поразмыслив над своей прошлой жизнью, я не нашел в ней ничего ценного.

В-третьих, несмотря ни на что, я не желал легко сдаваться.

Да - сейчас меня сжигала палящая жара.

Огонь неистово бушевал, превращая мою одежду в пепел.

Если раньше я чувствовал вонь горящей плоти, то теперь, поглощенный адом, испытывал лишь удушье, в воздухе витал аромат горящего дерева, лишенный тошнотворного запаха обугленных белков.

Перед моими глазами лежали зрители, собравшиеся, чтобы наблюдать за моей гибелью.

Должно быть, их было около двухсот человек? Не все были заиклены на судьбе "фальшивой дворянки", некоторые разговаривали, словно не замечая разворачивающейся трагедии. Удивительно, как люди могли заниматься пустой болтовней, пока горел их собрат.

Моральный компас этих людей...

Напротив, некоторые были озадачены моим положением - в конце концов, я остался нетронутым пламенем, - но никто из них не потрудился предупредить власти.

Среди толпы я заметил членов семьи Мюллеров. Родственников Гримвудов среди них не было. Утверждая, что я им не родственник, они, скорее всего, не видели причин присутствовать на таком зрелище.

За мгновение до того, как меня охватило пламя, - за мгновение до того, как я вновь обрел "свои" воспоминания, - меня охватил ужас.

Я был поглощен страхом.

Смерть была страшной, быть охваченным пламенем - кошмаром, а те, кто стоял в стороне, позволяя твориться такой несправедливости, были презренны. Решение осудить Эуфемию Гримвуд, ни в чем не повинную, исключительно ради личной выгоды, продиктованное абсолютной глупостью, было просто отвратительным.

Мои мысли неслись вскачь:

— Я должен был почувствовать гнев.

<http://tl.rulate.ru/book/106195/3797129>